

После тренировки свет в клубе потихоньку погас, рябь на воде в ванночке для промывки улеглась, а фотографии покачивались на бельевой веревке, с них медленно капала вода.

Сяо Минь сидела в одиночестве за столом, ее пальцы скользили по тому самому снимку в утреннем тумане — ее собственный взгляд из-под спадающих на плечи ивовых ветвей больше не казался ярким.

Вчерашний спор с Сяо Лунь, словно царапина на негативе, неотступно преследовал ее.

Спокойные слова Сяо Лунь — я подожду, пока ты во всем разберешься — были одновременно мягкими и режущими слух, заставляя ее ворочаться всю ночь напролет.

Тень слухов с каждым днем становилась все гуще, а взгляды одноклубников напоминали невидимую диафрагму объектива, которая сужалась каждый раз, когда она поворачивалась.

На школьной аллее шепотки звучали еще отчетливей. Когда кто-то проходил мимо, доносилось вполголоса: Последнее время они какие-то странные. Сяо Минь вроде бы не слишком веселая. В этих словах не было зла, но они действовали как многократная экспозиция, превращая их близость в объект для всеобщего обозрения.

Во время тренировки Сяо Минь стояла в центре светового пятна, с распущенными длинными волосами, пытаясь выдавить из себя естественную улыбку.

Сяо Лунь подняла камеру, настраивая ее, и произнесла ровным голосом: Расслабься.

Щелкнул затвор, но Сяо Минь чувствовала, что окружающие взгляды тяжелее объектива.

Одноклубники разбились на группы для обсуждения выставки: кто-то бросал на нее любопытные взгляды, кто-то нарочно отворачивался. Сяо Минь сцепила руки, костяшки пальцев побелели, а улыбка застыла, словно стоп-кадр.

Сяо Лунь опустила фотоаппарат, слегка нахмурившись: Сегодня у тебя плохой настрой.

Сяо Минь тихо произнесла: Я устала.

Она не произнесла вслух того, что эти взгляды уже лишали ее дыхания, и каждый шаг казался прогулкой перед чужими объективами.

Тренировка закончилась, участники клуба разошлись. Сяо Лунь упаковывала аппаратуру и тихо спросила: Хочешь поужинать вместе?

Сяо Минь покачала головой, ее голос звучал еле слышно: Я пойду в общежитие.

Уходя, она спиной чувствовала, как на ней долго задерживается взгляд Сяо Лунь.

Ночью в комнате общежития настольная лампа освещала стопку сложенных фотографий.

Сяо Минь рассматривала их одну за другой: от ослепительного солнца первой встречи до мягкого утреннего тумана — повсюду были следы их общего пути. Но теперь каждый снимок был омрачен трещинами. Слухи разъедали фотобумагу, словно капли воды; то, что принадлежало только им двоим, теперь стало предметом клубных сплетен, болтовни на литературном факультете и даже косых взглядов во время ночных посиделок в общежитии.

Вчера мимо проходили сокурсники, переговариваясь вполголоса: Сяо Минь и эта девчонка из фотокружка... у них такие странные отношения. В этом тоне любопытства было больше, чем злости, но сердце Сяо Минь сжалось. Она представляла себе молчание семьи, когда они все узнают, вечный шепот за спиной сокурсников и тень на каждой будущей строчке резюме. Любить девушку — изначально сокровенная тайна, но стоило ей стать заметной, как она превратилась в клеймо, давившее на нее с такой силой, что она едва не задыхалась.

На следующий день во время выездной фотосессии напряжение достигло предела. На берегу школьного озера одноклубники устанавливали штативы, обсуждая углы падения света.

Сяо Минь и Сяо Лунь оказались в одной группе. Она поднялась на травянистый склон, и ее длинные волосы развевались на ветру, пока она пыталась воссоздать позу с утренней съемки.

Сяо Лунь присела на корточки, выстраивая кадр, и ее голос по-прежнему звучал ровно: Чуть ближе к озеру.

Затвор защелкал серию снимков, но окружающие одноклубники всю перешептывались.

Одна из младшекурсниц понизила голос: Лунь-цзун снимает Сяо Минь, кадр очень красивый, но... не слишком ли близко они держатся друг к другу?

Другая тихонько рассмеялась: Значит, слухи об утренней съемке правдивы?

Доносившиеся обрывки фраз заставили Сяо Минь покачнуться, а ее улыбка вмиг рассыпалась. Ей казалось, что все взгляды сфокусировались на ней, словно объективы множества камер, одновременно нажавших на спуск, до бесконечности увеличивая их близость.

Сяо Лунь, казалось, ничего не замечала и продолжала настраивать ракурс, но Сяо Минь больше не могла держаться и тихо сказала: Я немного отдохну.

Она повернулась и зашагала прочь, ее силуэт покачивался под взглядами одноклубников.

Под деревом у озера Сяо Минь в одиночестве сидела на каменных ступенях, обхватив колени руками, и слезы наконец покатились из глаз. Страх накатывал приливом — не страх перед Сяо Лунь, а страх перед этим миром. Что делать, если оставаться в клубе станет невозможно? Что делать, если на литературном факультете станут судачить? Что делать, если семья начнет допрос? Она вспомнила ту свободу, с которой пришла в университет, а теперь оказалась заперта в тюрьме из чужих взглядов.

Сяо Лунь подошла ближе, присела на корточки и мягко спросила: Что случилось?

Сяо Минь подняла голову, ее глаза покраснели и опухли: Я больше не могу. Все эти разговоры, эти взгляды — каждый день они судят нас. Я больше так не хочу.

Сяо Лунь смолкла и протянула руку, желая коснуться ее плеча, но Сяо Минь отпрянула: Ты не понимаешь, ты всегда такая невозмутимая. А я просыпаюсь каждое утро со страхом, боюсь стать изгоем.

Взгляд Сяо Лунь слегка потускнел, а голос звучал мягко: Они забудут. Дай нам немного времени.

Сяо Минь покачала головой, ее голос сорвался на хрип: Нет, не забудут. Все уже разнеслось повсюду. В клубе, на территории кампуса, даже в общежитии — все следят за нами. Мне нужно личное пространство, мне нужно перевести дыхание.

Она замолчала, и в груди заныло от острой боли: Давай... пока расстанемся.

Слова сорвались с губ, сердце резало по живому, но вместе с тем стало легче.

Сяо Лунь замерла, и на ее спокойном лице впервые проступила трещина. Она долго молчала, а затем тихо произнесла: Хорошо. Береги себя.

В ее тоне не было упрека, лишь бесконечная мягкость.

В тот момент Сяо Минь почти готова была броситься ей в объятия, но страх перевесил всё.

Сяо Лунь достала из фотосумки последнюю проявленную карточку: силуэт Сяо Минь в утреннем тумане, ивовые ветви склонились к плечам, выражение лица безмятежное. Она протянула ее и тихо сказала: Эту оставь себе.

Сяо Минь приняла снимок дрожащими пальцами; она сама на фотографии казалась далекой незнакомкой.

Сяо Лунь поднялась на ноги, ее силуэт был четким и решительным. Она направилась к группе одноклубников и спокойно продолжила руководить тренировкой.

Сяо Минь сидела в одиночестве, а слезы смачивали края фотобумаги. Слова о расставании прозвучали как финальный спуск затвора, зафиксировавший их взаимопонимание на изломе трещины.

Ранним вечером на школьном перекрестке заходящее солнце клонилось к закату, вытягивая две одинокие тени. Сяо Минь, с сумкой в руках и бережно спрятанной между страницами блокнота фотографией, шла в сторону общежития.

Сяо Лунь вышла из клубной комнаты, закинув за плечо сумку с аппаратурой, а ветер трепал ее короткие волосы. Они встретились на перекрестке, и воздух вокруг стал безмолвным и тяжелым.

Сяо Минь остановилась и опустила голову: Я пойду первая.

Сяо Лунь кивнула: Угу. Будь осторожна.

Никаких лишних слов, только закатное солнце было свидетелем этой минуты.

Они разошлись спиной друг к другу. Их тени сначала пересеклись, а затем разделились, вытянувшись в длинные линии, словно до конца смотанная последняя пленка.

Пройдя несколько шагов, Сяо Минь не удержалась и оглянулась. Фигура Сяо Лунь уже растворилась в толпе — одинокая, но твердая, а закат окантовал ее силуэт тонкой золотой каймой.

Боль в сердце жгла грудь, словно от переэкспозиции. Она ускорила шаги, а слезы застилали глаза. Они любили друг друга, были близки, но теперь всё разрушилось под давлением извне. Расставание — это и избавление, и саморазрушение.

Она представляла, как Сяо Лунь в одиночестве проявляет снимки, проверяет снаряжение, и гадала, скрываются ли шрамы за этой ее невозмутимостью.

Дверь общежития закрылась, загорелась настольная лампа. Сяо Минь разложила фотографии: на них она сама в утреннем тумане улыбалась так чисто, а теперь эта улыбка резала глаза.

Она вспоминала солнечный свет первой встречи, объятия под дождем, признание в классе, утренний кофе — эти кадры катились непрерывной лентой, отчетливые, но такие далекие.

Страх победил любовь, и она выбрала побег. Но в глубине души она понимала: расставание не

способно смыть суровую реальность, оно лишь сделает пустоту еще глубже.

За окном сгущалась ночная тьма, на территории кампуса одна за другой вспыхивали уличные фонари, отражая качающиеся тени деревьев. Сяо Минь раскрыла дневник, кончик ручки коснулся бумаги, чернила медленно расплылись, оставляя строчку: Уйти из поля зрения объектива — значит научиться в одиночку встречаться лицом к лицу со светом и тенью.

<http://bllate.org/book/21310/2162737>